

Елизавета САВРУЦКАЯ, Сергей УСТИНКИН

К ВОПРОСУ О НЕОБХОДИМОСТИ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИИ

В статье рассматриваются особенности современных миграционных процессов, проблемы их влияния на трансформацию коммуникационного пространства современной цивилизации, обосновывается необходимость регулярного мониторинга ценностного сознания молодежи по рассматриваемым проблемам.

The article deals with the particularities of the modern migration processes, with problems of its influence on transformation of communicative space of the contemporary civilization. The necessity of a regular monitoring of the youth's value consciousness regarding the analyzed issues is also substantiated in the article.

Ключевые слова:

глобализация, миграционные процессы, коммуникационное пространство, социокультурная среда, языковые барьеры, мультикультурализм; globalization, migratory processes, communicative space, social and cultural environment, language barriers, multiculturalism.

САВРУЦКАЯ
Елизавета
Петровна —
д. филос. н.,
профессор;
заведующий
кафедрой
философии,
социологии
и теории социальной
коммуникации
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
savrutsk@lunn.ru

УСТИНКИН
Сергей
Васильевич —
д.и.н., профессор;
заведующий
кафедрой
международных
отношений
и политологии
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
ustin@lunn.ru

В зарубежной и отечественной консервативной и традиционалистской философской мысли и социологии второй половины XX — начала XXI в. **настоячиво утверждалась идея о необходимости сохранения духовно-нравственных норм регламентации отношений между людьми.** В условиях глобализации, бурного развития средств массовой информации, сети Интернет, информатизации практически всех сфер общества происходит трансформация социальной реальности, коснувшаяся, прежде всего, духовных ценностей ориентаций людей и мира человеческих отношений, т.е. коммуникации. Утрата этнокультурной идентичности, изменение жизненного мира человека, вытеснение долговременных, устойчивых связей между людьми кратковременным или дистанционным общением стали привычными явлениями современной жизни.

Огромную роль в изменении коммуникационного пространства развитых стран играют миграционные процессы и связанная с ними маргинализация культуры титульных наций. Характерным явлением культурной глобализации является существование на территории национального государства различных культур. Миграционные потоки не только способствуют изменению этноконфессиональной и лингвистической картины принимающих стран, но и ведут к разрушению веками формирующегося их коммуникативного пространства с его собственными культурными и языковыми традициями, социальными механизмами национальной и гражданской идентичности.

Под влиянием глобализации и современных миграционных процессов, распространения идей постмодернизма и постструктурализма сформировалась новая модель пространственной поликультурности, получившая название мультикультурализма. Эта модель предполагает плюрализм культурных традиций, языка, образа жизни и культурных традиций. Она отличается от характерной для XX в. модели культурного единства, когда культура этнического большинства доминировала, а этнокультурные меньшинства ассимилировались или абсорбировались в качестве субкультурного сообщества.

Постмодернистские концепции, выдвигающие в качестве главного творческого принципа плюрализм стилей, мировоззренческих моделей и языков культуры, отвергающие привычную для нашего

сознания иерархичность культурного пространства, реабилитирующие человеческую субъективность, уравнивающие в правах факт и фикцию, серьезно влияют на современное коммуникативное пространство западной цивилизации, как и постструктурализм, утверждающий необходимость игрового отношения к смыслу вообще, опирающийся на принцип диссеминации (Деррида), т.е. рассеивания, дисперсии любого смысла среди множества дифференцированных его оттенков. Идея различия уступает место идее различения. Остаются одни лишь симулякры, имеющие отношение не к реальности, а к собственной субъективности.

Рассматриваемая как один из аспектов толерантности, предполагающая смешение культур в целях их взаимного проникновения, обогащения и развития в общечеловеческом русле массовой культуры, модель мультикультурализма получила широкое распространение в высокоразвитых странах Западной Европы (прежде всего, во Франции, Германии, Англии), в которых исторически сформировался высокий уровень социокультурного и экономического развития. Идеи мультикультурализма в этих странах были использованы в качестве методологической базы разрешения проблемы выстраивания принципов миграционной политики в соответствии с традициями либерализма и демократии западноевропейского образца. Следует признать, что разрушение многовековых культурных устоев и культурных традиций как титульных наций, так и пришлых мигрантов способствовало усреднению уровня культуры, но до определенного времени не сеяло напряжение в межэтнических отношениях. Однако процессы обострения конфликтов на этноконфессиональной почве в последнее время свидетельствуют о том, что эта концепция по многим параметрам не оправдывает себя, что признают многие политические и религиозные деятели.

На наш взгляд, существуют две причины обозначившегося кризиса модели мультикультурализма. Во-первых, отсутствие у представителей определенных этнических групп, оказавшихся в силу тех или иных причин в условиях инокультуры и иноязычия, достаточной политической культуры, регламентированной правовыми нормами, т.е. законом, и демократическими традициями, ставшими чем-то привыч-

ным, определяющим стереотипы мотивов поведения и направленность установок ценностного сознания. Во-вторых, незнание языка (слабое владение речевой культурой) создает не только культурно-коммуникативные, речевые и психологические барьеры для полноценного социокультурного и профессионального взаимодействия в правовом поле социума, но и служит основанием для сохранения замкнутости этнических групп, оказавшихся в силу каких-либо причин в условиях «демассификации» и «вынужденного общения»¹ с представителями других этносов, официальных властей, работодателей и т.д. В коммуникативном пространстве чужой для мигрантов страны последние занимают определенную нишу со своим образом жизни, духовными ценностями и нормами поведения. Языковые барьеры, религиозные различия, чуждость жизненных установок крайне затрудняют возможность интеграции мигрантов в культуру и образ жизни титульных наций, создавая тем самым как бы самостоятельно, изолированно друг от друга сосуществующие культурно-коммуникативные сообщества в границах коммуникативного пространства иной страны или региона². В силу объективных обстоятельств значительная часть мигрантов образуют социальные группы, большей частью оказывающиеся за пределами позитивно ориентированных социальных систем — школы, вуза, общественных организаций, политических партий и союзов. Группы мигрантов образуют свои социальные системы, организация жизни в которых зачастую противоречит культуре титульных этносов и нравственно-правовой регламентации общественных процессов. Состояние эмоциональной угнетенности, скрытой агрессивности и кажущаяся пассивность усиливают поляризацию мировосприятия на «своих» и «чужих», способствуют углублению социальной напряженности в скрытых или открытых формах ее проявлений.

Сформировавшаяся в этих условиях маргинальная культура является особым

¹ Тоффлер Э. Третья волна. — М.: АСТ, 2002, с. 279.

² Савруцкая Е.П. Проблемы метадискурса коммуникации в контексте современных миграционных процессов // Ценности и коммуникация в современном обществе / под ред. С.В. Клягина, О.Д. Шипуновой. — СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2012, с. 110.

видом субкультуры, имеющей свои специфические черты и формирующей свое замкнутое коммуникативное пространство. В отличие от открытости коммуникативного пространства титульных национальных общностей, маргинальные группы ведут замкнутый образ жизни, не интегрируясь или слабо интегрируясь в социокультурную среду принявшей их страны. Очевидно, что в этих условиях система личностных этнокультурных установок своего «я» может совпадать только с установками подобных «мне» представителей этнического коммуникативного сообщества, но она является чуждой подобного рода системам «других», «чужих». И при отсутствии механизмов связи с «другими» в условиях глобализации, где «чужого», «другого» кратно больше, чем «своего», идентичного «себе», накапливается синдром усталости, агрессивной неопределенности, отчуждения, неудовлетворенности жизненными возможностями. Иначе говоря, формируется пространство, наполненное многообразием культурных кодов, смыслов, символов, которые образуют эклектичную или «мозаичную» культуру. В этих условиях возможности осуществления межкультурного диалога определяются тем, насколько успешными окажутся попытки выстраивания коммуникации на основании новых норм и механизмов межкультурного взаимодействия.

Очевидно, что важнейшим условием адаптации мигрантов к новым социокультурным условиям является овладение языком принимающей стороны. Трудность этого процесса заключается в том, что в информационном поле, создаваемом современной цивилизацией, в условиях глубоких изменений в коммуникативной сфере социальной и виртуальной реальности возникает множество независимых систем, многочисленных субкультур, размывающих «формальную завершенность» (Э. Сепир) любого языка и усиливающих фрагментарность современного жизненного мира человека. В результате происходит изменение смыслов, передаваемых посредством языка, а следовательно, и понимания исторически накопленного социального опыта, зафиксированного и сохраняемого в процессе общественного развития в определенных устойчивых речевых формах, что порождает новый тип коммуникативного поведения. В этих

условиях даже для титульных этносов роль родного языка как путевода в «социальной действительности» (Э. Сепир) ослабевает. Что же касается мигрантов, то языковой барьер обрывает социокультурные коммуникативные связи со средой обитания, определяя отношение к внешнему миру как к чужому и враждебному. Новые формы социальности, формируемые в этих условиях, по словам Н. Лумана, ориентируются не на межличностное взаимодействие, а на прагматические ориентации¹. И подобное состояние человека как продукта «новых коммуникаций» (М. Блюменкранц) характерно как для субъектов принимающей стороны, так и для мигрантов.

Замкнутое коммуникативное пространство локальных социумов обеспечивает мигрантам единство языка, сохранение традиций, норм общения, особенностей бытовой культуры, чем и ограничивает возможности их интеграции в культурно-коммуникативное пространство титульных наций. На границе «своего» и «чужого» всегда существуют в скрытом или явном виде основания для конфликтов. При этом «коммуникативное непонимание» зачастую вырастает на почве не столько незнания языка, сколько отсутствия установки на принятие мигрантами «самостоятельного решения, желательности либо возможности совершения (отказа от совершения) определенного посткоммуникативного действия в интересах»² принимающей стороны. Именно в этом кроется причина трудности адаптации мигрантов к социокультурной реальности принимающих стран.

Что касается России, то проблемы, связанные с миграционными процессами и необходимостью сохранения национально-культурной идентичности, имеют свои особенности. Наряду с общими признаками современных цивилизационных процессов, определяющих основные направления трансформации российского коммуникативного пространства, в нашей стране очень сильным фактором влияния на общественное сознание и мотивы поведения остаются

¹ Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории. — СПб.: Наука, 2007, с. 317.

² Голоднов А.В. Риторический метадискурс как интегративный тип дискурса // Вестник Новгородского государственного университета, 2009, № 54, с. 26.

историко-культурные традиции российского суперэтноса. Россия исторически сформировалась как многонациональное государство с присущими для него этноконфессиональными и политическими установками и ориентациями, толерантной доминантой массового сознания в оценке этноконфессионального и этнокультурного многообразия российских территорий.

Миграционное наступление на коренные российские регионы выходцев из дальней и ближней Азии дополняется политикой укрепления Евразийского союза. Нравы и обычаи восточных диаспор сами превращаются в норму жизни, а не адаптируются к русской культуре и традициям. Налицо картина, укладывающаяся в известную теорию Хантингтона о войне цивилизаций¹. Рывок к современной западной цивилизации обернулся для России все сильнее набирающей ход «азиатизацией», проникающей в наш быт, систему политических институтов, влияющих на общество и нравственный климат государства².

Регулирование миграционных процессов — дело непростое. Мы объединены со среднеазиатскими государствами коллективной памятью о совместном прошлом, о победе в Великой Отечественной войне. Кроме того, мы связаны с государствами Средней Азии договорами о безвизовом пересечении границ в рамках стран — участниц СНГ, договором о коллективной безопасности. Думается, запрос на эффективную государственную национальную политику имеется и у власти, и у общества РФ. Однако пока ее действенность невысока. Содержание, принципы и основные направления достаточно резко критикуются оппозицией. Такая национальная политика в условиях демографического упадка губительна для государствообразующего народа. Попытки внести коррективы в государственную национальную политику как слева, так и справа пока малоэффективны. Слева А. Проханов и «Изборский клуб» пропагандируют идею построения «пятой империи» на основе синтеза белой идеи национально осмысленной государственности и красной идеи социальной справедливости. Справа

Е. Ясин и М. Ходорковский в Высшей школе экономики пытаются соединить права человека, экономические свободы, рынок и национальную государственность³.

Вполне естественно, что историко-культурное своеобразие России, ее веками складывающиеся традиции межкультурного взаимодействия многочисленных народов, населяющих бескрайние просторы государства российского, смягчает многие проблемы, связанные с трудностями миграционных процессов. Очевидно, что этот фактор культуры межэтнических отношений в условиях углубления процессов интеграции и глобализации в значительной степени обретает характер механизма стабилизации общественного развития, решения производственных проблем, расширения каналов международных связей, формирования нового коммуникативного пространства современной цивилизации. Однако анализ этноконфессиональной и этнолингвистической карты России при явно обозначенных тенденциях увеличения миграционных потоков и углубления демографических проблем (резкое сокращение и физическое старение коренного населения страны) наглядно свидетельствует о реальной опасности потери Россией отдельных территорий, исторически входивших в ее состав.

Одной из первоочередных задач научно обоснованного подхода к решению данной проблемы как в экономическом, так и социальном плане является прогнозирование дальнейшего развития и трансформации современной коммуникативной ситуации в связи с новыми тенденциями этноконфессионального и межкультурного взаимодействия, связанного с миграционными процессами. Очевидно, что учет влияния миграционных процессов на современную коммуникативную ситуацию в стране имеет значение как для понимания необходимости координации воспитательной, информационно-коммуникативной и правоохранительной деятельности, так и для создания реальных условий социальной реальности, формирующих ценностные ориентации, в первую очередь молодежи.

Сложные процессы межкультурного

¹ Бызов Л. Азиатизация // Литературная газета, 2013, № 10–11, с. 3–5.

² Анисимов В. Возвратная мутация // Литературная газета, 2013, № 15, с. 3.

³ Севастьянов А. Гибельный разрыв // Литературная газета, 2013, № 21, с. 3; Проханов А. Резались жестоко... // Завтра, 2013, № 29, с. 1.

Таблица 1

**Отношение молодежи к представителям других национальностей
и мигрантам, %**

Вопрос	Положительно	Нейтрально	Отрицательно
1. Как Вы относитесь к мигрантам из других стран в нашей стране?	11,5	69,1	19,4
2. Как Вы относитесь к представителям других национальностей в нашей стране?	16,0	69,0	15,0

Таблица 2

**Какими действиями Вы лично готовы выразить свою позицию
по отношению к представителям других национальностей? (%)**

Никакими	44,5
Участием в митингах, демонстрациях, пикетах и других протестных действиях	8,9
Публикациями в Интернете на форумах, в блогах, социальных сетях	23,7
Обращением в органы власти	10,7
Поддержкой партий, организаций, чья позиция по этому вопросу близка мне	13,3
Беседами с друзьями, знакомыми	39,0

Таблица 3

**Какими действиями Вы лично готовы выразить свою позицию
по отношению к проблеме мигрантов? (%)**

Никакими	42,5
Участием в митингах, демонстрациях, пикетах и других протестных действиях	9,8
Публикациями в Интернете на форумах, в блогах, социальных сетях	27,1
Обращением в органы власти	12,1
Поддержкой партий, организаций, чья позиция по этому вопросу близка мне	12,9
Беседами с друзьями, знакомыми	40,5

взаимодействия, особенно в молодежной среде как мигрантов, так и представителей титульных этносов, обозначили для европейских стран и России проблему раннего предупреждения межэтнических конфликтов, воспитания толерантности в массовом, прежде всего молодежном, ценностном сознании россиян¹.

В проведенном нами в 2011 г. исследовании ценностных ориентаций молодежи (всего в опросе участвовало 3 000 школьников старших классов, студен-

тов сузов и вузов Нижнего Новгорода и Нижегородской обл.) в анкету были включены вопросы, позволяющие выявить отношение респондентов к представителям как других коренных этнических групп, так и к мигрантам (научная экспертиза и консультирование осуществлялись старшим научным сотрудником Института социологии РАН А.В. Прудником).

Как видно из табл. 1, 69% опрошенных молодых людей в оценке своего отношения к представителям других национальностей нашей страны и к мигрантам из других стран придерживаются нейтральной позиции. Однако разрыв между положительными и отрицательными показа-

¹ Савруцкая Е.П., Устинкин С.В. Анализ динамики качественных характеристик ценностного сознания молодежи России // Власть, 2011, № 10, с. 92–96.

телями оценочного отношения молодых респондентов к представителям коренных российских этносов и мигрантам составил соответственно $-7,9\%$ в первом случае и $+1\%$ – во втором. Что касается конкретизации отношения опрошенных к той или иной целевой группе, выраженного в конкретном протестном действии, то данные табл. 2 и 3 позволяют делать вывод о том, что молодые люди предпочитают обсуждать данные проблемы в кругу друзей или в социальных сетях.

Включение в исследование вопросов, связанных с выявлением отношения подрастающего поколения к представителям других национальностей, в т.ч. отношения к мигрантам, позволяет установить факторы, способствующие оптимизации деятельности государственных институтов, традиционных (официальных) конфессиональных и национальных общественных организаций по формированию и укреплению толерантности современной российской молодежи, предотвращению распространения практики экстремизма в молодежной среде. Полученные данные свидетельствуют о необходимости разработки более продуманной молодежной

политики с учетом того, что на сегодняшний день мы имеем достаточно низкие показатели эффективности влияния институтов семьи и образования на ценностное сознание молодежи.

Очевидно, что можно назвать еще много достаточно болезненных проблем, связанных с изменениями коммуникативного пространства российской цивилизации под влиянием миграционных процессов. С одной стороны, очевидно, что без притока дополнительной рабочей силы извне стране не справиться с потребностями развития производства, сельского хозяйства, строительства и т.д. Однако очевидно и другое – без тщательно продуманной и реально осуществляемой государственной политики по регулированию миграционных процессов, без разработанной и действительно неуклонно применяемой на практике законодательной базы, регламентирующей обязанности и права мигрантов, позитивного решения этого вопроса для России нет.

Статья написана в рамках проекта 6.8221.2013 «Оценка эффективности управления этническими конфликтами в современной РФ».